

II

В. Б. Борщев, Б. Парти

О СЕМАНТИКЕ БЫТИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ *

0. ВВЕДЕНИЕ

Тема. Бытийные предложения хорошо изучены. Они подробно описаны, например, в хорошо известных работах Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяева (Арутюнова 1976; 1997; Арутюнова и Ширяев 1983) и в книге Л. Бэбби (Babby 1980). Бэбби противопоставляет бытийные предложения декларативным (existential and declarative sentences)¹. Нас это противопоставление интересует на семантическом уровне — чем отличается семантика бытийных и других, «небытийных» предложений? Насколько эти различия четки и можно ли их схематизировать? Обсуждение предлагавшихся схем и наша собственная схема — тема этих заметок.

Как и у Бэбби, наш интерес к бытийным предложениям возник в связи с другой хорошо известной темой — генитивом и номинативом субъекта в русском отрицательном предложении (см.

---

* Работа выполнена при частичной поддержке National Science Foundation США (грант BCS-9905748 — В. Н. Partee and V. В. Borschev). Мы благодарны многим коллегам за плодотворные обсуждения, прежде всего Ю. Д. Апресяну и участникам его семинара, И. М. Богуславскому, Ю. В. Бронникову, С. А. Крылову, Ю. А. Ландеру, Е. В. Рахилиной, Е. Рудницкой, Р. И. Розиной, Е. В. Падучевой, Я. Г. Тестельцу, Т. Е. Янко, К. Эбельсу, Л. Бэбби, Л. Биллингсу, В. Брауну, М. Карминати, К. Чвани, Э. Далю, Н. Эртешик-Шир, Х. Филип, Э. Хайичовой, М. Хегерти, У. Юнгхансу, Х. Кэмпу, Н. Кондрашовой, М. Крифке, К. Ламбрехту, Ф. Ландману, О. Матушански, Дж. Перегрину, А. Перелцвейгу, Д. Пельмуттеру, М. Полинской, Э. Принсу, Р. Ротштейну, А. Штейбе, П. Сгаллу, Л. Талми, И. Циммерман.

¹ Термин «декларативные» представляется не слишком удачным, он не несет никаких естественных ассоциаций, хотя и имеет некоторую историю. Для Бэбби это просто «nonexistential assertive sentence». Отметим предлагавшиеся альтернативы — предложения характеристики (Арутюнова и Ширяев 1983) и — «событийные» предложения (Падучева).

примеры (1)—(4) ниже²). Мы занимались семантикой таких конструкций и проблемами, возникающими при их описании (см. Борщев, Парти 1998a, Borschev, Partee 1998b, а также Borschev, Partee in press).

Номинатив	Генитив
(1) а. <i>Мороз не чувствовался.</i>	б. <i>Мороза не чувствовалось.</i>
(2) а. <i>Ответ из полка не пришел.</i>	б. <i>Ответа из полка не пришло.</i>
(3) а. <i>Автобус не пришел.</i>	б. <i>*Автобуса не пришло.</i>
(4) а. <i>*Сомнения не были.</i>	б. <i>Сомнений не было.</i>

Известно, что темы эти связаны. Бэбби в своей книге утверждает, с некоторыми оговорками, что генитивная конструкция при отрицании употребляется в бытийных предложениях и только в них. Ключевая черта его схемы в том, что бытийные предложения односоставны, что они обладают особой коммуникативной структурой — в них отсутствует Тема. Это (вместе с рядом других признаков) отличает их от декларативных предложений и, в частности, определяет употребление генитива при отрицании.

Однако с этим трудно согласиться. Для многих бытийных предложений естественно считать, что субъект в них является Темой — примеры таких предложений приводятся в уже цитированных работах Арутюновой и Ширяева. Это разрушает схему Бэбби или, по крайней мере, требует ее пересмотра.

Наша схема. Мы считаем, что основная причина различий в другом — в разном когнитивном представлении ситуаций. Декларативные и бытийные предложения по-разному эти ситуации структурируют. Скажем, одни и те же (или почти одни и те же) «ситуации бытия» могут описываться как декларативными, так и бытийными предложениями — см., например, (5) и (6) ниже:

- (5) [*Я хотел купить газету и подошел к киоску.*] *Но газеты еще не поступили.*
- (6) [*Я хотел купить газету и подошел к киоску.*] *Газет в киоске не было.*

² Пример (1) заимствован из книги Babby 1980, а пример (2) из работы Апресян 1966. Надо сказать, что за много лет в работах, обсуждающих генитивную конструкцию, сформировался большой набор примеров, который стал, так сказать, общественным достоянием — примеры эти, высвечивающие разные аспекты конструкции, анализируются во многих работах. Мы пользуемся, большей частью, примерами из этого набора (или их вариантами), приводимыми, в основном, в работах Ицкович 1974, Babby 1980, Апресян 1966, 1980, 1985, Падучева 1992, 1997.

Газет(ы) принадлежат Теме обоих предложений. Но первое предложение декларативно, а второе — бытийно. В первом мы как бы смотрим на ситуацию с точки зрения ВЕЩИ, о которой идет речь (газеты), а во втором — с точки зрения МЕСТА действия (киоск). Мы называем это *выбором перспективы*, точки зрения, с которой мы эту ситуацию рассматриваем. Обсуждение структуры перспективы, задаваемых ею пресуппозиций и постулатов, влияющих на выбор глагола — главная задача данной работы.

Мы предлагаем, таким образом, некоторую схему. Но всякая схема сразу же сталкивается с таким свойством языка, как размытость. Чем отличаются, например, приведенные выше предложения (2б) и (3б)? Почему предложение (3б) невозможно, а предложения (2б) и (7) возможны? Являются ли бытийными предложения (8) и (9) или хотя бы одно из них? Мы пытаемся соотнести эти вопросы с нашей схемой и обсудить остающиеся неясности.

(7) *Автобуса (так и) не появилось.*

(8) *Пришел автобус.*

(9) *Идет дождь.*

Структура работы. В разделах 1, 2 и 3 обсуждаются схемы и понятия, предлагавшиеся Л. Бэбби, Е. В. Падучевой (Падучева 1992; 1997), Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяевым для описания бытийных предложений, генитивной конструкции при отрицании и употребляемых там глаголов. Раздел 4 посвящен предложениям с глаголом *быть* и референтным подлежащим (см. ниже примеры типа (15) и (16)). Бэбби и Арутюнова не считают такого рода предложения бытийными, но приводимая ими аргументация не представляется нам вполне убедительной.

Предлагаемая нами схема описания семантики бытийного предложения и генитивной конструкции рассматривается в разделе 5. Центральное понятие нашей схемы — это упоминавшийся выше *выбор перспективы*. В разделе 6 мы обсуждаем давно отмеченную «слабость» глаголов, употребляемых в генитивной конструкции, и причины этой слабости.

Границы понятия бытийного предложения и их размытость обсуждаются и в разделе 7, где мы рассматриваем предложения типа приводившихся выше примеров (2), (3) и (7)–(9).

Чего нет в нашей работе. Четкое описание семантики бытийных предложений и генитивной конструкции невозможно без описания их синтаксиса. Увы, не будучи специалистами, мы не

готовы обсуждать синтаксические проблемы. Не касаемся мы здесь и типологических проблем — чем отличаются бытийные предложения в разных языках.

1. Л. БЭББИ: СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ОТРИЦАНИЯ. ТЕМА И РЕМА

Как уже говорилось, Бэбби различает «декларативные» и «бытийные» (existential) предложения. В отрицательных декларативных предложениях подлежащее в номинативе, а в отрицательных бытийных — в генитиве.

Заметим, что почти для каждого бытийного предложения, утвердительного или отрицательного, можно построить «соответствующее ему» декларативное предложение (хотя оно и не обязано быть правильным, см. пример (4а) выше).

Основная идея Бэбби иллюстрируется его схемой (10): декларативные и бытийные предложения отличаются сферой действия утверждения (отрицания).

(10)	AFFIRMATIVE	NEGATED
	EXISTENTIAL [Scope of A VP NP] ⇒ NEG	[_{ne} VP NP] _{gen}
	DECLARATIVE NP [Scope of A VP] ⇒ NEG	NP _{nom} [_{ne} VP]

Так, декларативное предложение (2а) предполагает, что ответ из полка был послан, и сообщает, что он не пришел (отрицается только, что он пришел). Бытийное предложение (2б) не содержит предположения, что *ответ* вообще существовал³.

По схеме (10) декларативное предложение состоит из двух частей — подлежащего (именной группы), находящегося вне сферы действия утверждения/отрицания, и сказуемого (глагольной группы), которое находится в сфере действия утверждения (отрицания). Бытийное же предложение, грубо говоря, состоит из

³ См. обсуждение такого рода примеров в Апресян 1985: «В современной терминологии в случаях типа *Стока талых вод не наблюдалось*, *Мороза не чувствовалось* нет пресуппозиций и утверждается несуществование или полное отсутствие предмета речи: стока талых вод вообще не было, мороз не имел места. Наоборот, предложения *Сток талых вод не наблюдался*, *Мороз не чувствовался* чаще всего содержат пресуппозицию существования предмета речи и утверждается только то, что он не выполнял определенных действий или не находился в определенном состоянии: сток талых вод в принципе происходил, но за ним не велось наблюдений, мороз имел место, но не мог быть ощущен (например потому, что все были тепло одеты)» (Апресян 1985: 295–296).

одной части (иногда используется термин «нерасчлененное высказывание»). Оно, прежде всего, утверждает или отрицает существование, или, лучше сказать, «бытие» того, что обозначается именной группой⁴.

Бэбби связывает сферу действия утверждения (отрицания) с делением предложения на Тему-Рему. Он замечает, что разные авторы определяют понятия Темы и Ремы по-разному, но большинство из них сходятся в том, что Рема — это то, что утверждается в утвердительном предложении и отрицается в общеотрицательных предложениях. Для Бэбби Рема и сфера действия отрицания — это «разные термины для одного и того же» (Babby 1980, 103). И там же: «Когда утвердительное предложение отрицается, действие отрицания определяется ремой; тема соответственно находится вне сферы действия отрицания».

Итоговая схема Бэбби для бытийных предложений имеет вид:

$$(11) \quad \begin{array}{l} \text{NEG} \\ [\text{R}_{\text{heme}} \text{V NP}] \Rightarrow [\text{ne} \text{VP NP}_{\text{gen}}] \\ \text{Условия: (a) NP is indefinite} \\ \text{(b) V is semantically empty} \end{array}$$

Схема эта описана как трансформация, выполняемая при некоторых условиях (a) и (b). Мы вернемся еще к этим условиям. А пока заметим, что условие (b) требует, чтобы в генитивной конструкции употреблялись только «семантически пусты» глаголы. Иногда их называют «слабыми», иногда говорят, что глаголы в этой конструкции «линяют» (bleach), теряют свое исходное значение.

Не ясно, считает ли Бэбби утвердительное односоставное предложение (состоящее только из Ремы) бытийным, если эти условия не выполняются.

Книга Бэбби уникальна по богатству собранного в ней материала и его анализу. Приводимые в ней данные и особенности генитивной конструкции тщательно структурированы. Но с основными схемами книги, (10) и (11), мы не можем вполне согла-

⁴ Обсуждая разницу между декларативными и бытийными предложениями, Бэбби цитирует работу Kuroda 1972. Курода, следуя Brentano и Марти, различает *categorical* и *thetic* judgments. Бытийные (existential) и безличные предложения приводятся как примеры *thetic judgments*, а *categorical judgments* соответствуют декларативным предложениям. *Categorical judgments* состоят из двух «актов»: первый — это введение субъекта, и второй — это, грубо говоря, утверждение или отрицание предиката, относящегося к этому субъекту. Таким образом, *categorical judgments* состоят из двух частей. В свою очередь *thetic judgments* устроены «просто», можно считать, что они просто утверждают или отрицают, так сказать, материал для этого judgment.

ситься. Прежде всего, понятие «сфера действия отрицания» требует уточнения. В стандартной логике предикатов отрицание применяется к формулам (а не к их частям). Возможная переформулировка — считать причиной различий декларативных и бытийных предложений не сферу действия отрицания (утверждения), а разные пресуппозиции (см. сноску 2 выше — цитату из Апресяна). Но и тут возникают трудности (см. Partee, Borschev 2001), однако эта тема находится за пределами данной статьи.

Схема (11) тоже, как уже отмечалось, верна не для всех бытийных предложений. В литературе давно уже указывалось, что бытийные предложения могут обладать самой разной коммуникативной структурой. Признание этого факта разрушает схему (11), вернее, требует ее переосмысления. Так слово *кефира* относится, на наш взгляд, к Теме в примере (12) и к реме в примере (13).

(12) [*Я искал кефир и зашел в магазин на углу.*] *Кефира в магазине не было.*

(13) [*Я зашел в магазин на углу.*] *В магазине не было кефира.*

Это противоречит схеме (11). Приведенные выше примеры (5) и (6) показывают, что для Темы *газет(ы)* возможно как «номинативное», так и «генитивное» продолжение.

2. Е. В. ПАДУЧЕВА: ГЕНИТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Падучева в работах (Падучева 1992; 1997) не употребляет термин «бытийное предложение». Эти работы посвящены генитивной конструкции. Но, как уже говорилось, темы эти тесно связаны. Поэтому мы кратко рассмотрим предлагающуюся в этих ее работах схему.

Падучева считает, что

«в отрицательном предложении с генитивной конструкцией присутствует один из двух компонентов:

I. 'X-а не существует в Мире/Месте';

II. 'X-а нет в перцептивном пространстве Субъекта сознания'» (Падучева 1997: 103).

Она называет глаголы, употребляемые в такой конструкции, *генитивными*. Утверждается, что у таких глаголов, есть семантический инвариант:

«Глагол относится к генитивному классу, если его толкование включает экзистенциальный или перцептивный компонент, причем в таком коммуникативном статусе, что при отрицании предложения он подвергнется отрицанию: этот компонент может

быть ассерцией или импликацией, но не может быть пресуппозицией (презумпцией).

Утвердительные аналоги компонентов I и II имеют вид

I'. 'X существует в Мире/Месте';

II'. 'X находится в перцептивном пространстве Субъекта сознания'».

Один из главных тезисов работ Падучевой (1992, 1997) — это выделение в классе генитивных глаголов «перцептивного» подкласса. Их семантике и выделению «перцептивных» значений уделяется особое внимание.

Конечно, естественно выделять «перцептивные» глаголы (или глаголы восприятия) и изучать специфику их семантики. В то же время естественно искать инвариантные черты во всех употреблениях генитивной конструкции. Нам кажется существенным, что во всех предложениях с генитивной конструкцией ситуация рассматривается с точки зрения МЕСТА, а «перцептивные» глаголы (глаголы восприятия) отличаются от «экзистенциальных», в частности, типом этого МЕСТА — для них это, как справедливо указывает Падучева, «перцептивное пространство субъекта сознания».

Итак, по определению, глагол считается генитивным, если он употребляется «в отрицательном предложении с генитивной конструкцией». Падучева приводит список, содержащий более 300 генитивных глаголов и отмечает, что «широкая продуктивность вынужденных употреблений не оставляет надежды на составление полного списка таких глаголов». При этом она подчеркивает, что «генитивный семантический компонент» глагола не обязан быть «словарным» — он может привноситься контекстом или самим говорящим.

Однако если в отрицательном предложении использован генитивный глагол, то подлежащее (субъект) не обязательно будет в генитиве. Падучева приводит «контексты, препятствующие употреблению ГК (генитивной конструкции) при генитивном глаголе». Это «одушевленность субъекта», «референтность субъекта», «единственное число субъекта» и некоторые типы коммуникативной структуры предложения. Эти препятствия, обсуждавшиеся и во многих других работах, не являются абсолютными (см. ниже примеры типа (15) и (16)). Хотелось бы понять, почему и в каких случаях эти контексты (или какие-нибудь другие) запрещают генитивную конструкцию при наличии генитивного глагола.

Заметим, что в каком-то смысле Падучева и Бэбби описывают генитивную конструкцию с разных сторон: Бэбби в первую очередь занимается семантикой самой конструкции, а Падучева, прежде всего — семантикой «генитивного глагола».

3. Н. Д. АРУТЮНОВА И Е. Н. ШИРЯЕВ: СТРУКТУРА БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В работах Арутюновой и Ширяева (Арутюнова 1976; 1997, Арутюнова и Ширяев 1983) рассматривается структура бытийных предложений. Так, в «классическом» бытийном предложении (Арутюнова 1997) выделяются три компонента: локализатор («область бытия»), имя «бытующего предмета» и «бытийный глагол»:

(14) *В этом краю* (локализатор) *есть* (бытийный глагол) *леса* (имя «бытующего предмета»).

Локализатор «представляет область бытия», которая понимается достаточно широко — «мир в целом» или «фрагмент мира», «внешний» или «внутренний микромир человека». Допускаются временные значения. Локализатор может отсутствовать, и тогда «область бытия» задается контекстом или отождествляется со «всем миром».

Отмечается, что «место бытийного глагола могут занимать его эквиваленты и аналоги: *существовать, иметься, бывать* (итеративная форма), *водиться, встречаться, попадаться* и некоторые другие» (Арутюнова 1997: 57). Но такие глаголы — это небольшая часть «генитивных глаголов». Поэтому, хотя и отмечается, что в отрицательных бытийных предложениях используется генитивная конструкция, обратного утверждения не делается. Видимо, для Арутюновой область действия «генитивного правила» шире класса бытийных предложений.

Утверждается, что «имя бытующего предмета для слушающего всегда лишено конкретной референции». Часто оно действительно лишено определенности (как в (14)). Но генитивная конструкция используется и в предложениях с референтным субъектом, которые мы обсудим ниже.

4. ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ *БЫТЬ* И РЕФЕРЕНТНЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ

Любопытно, что как Бэбби, так и Арутюнова, не считают бытийными предложения типа (15) и, видимо, (16):

(15) *Ивана не было на лекции.*

(16) *Петинного дневника на столе не было.*

Приводятся следующие аргументы. Функция бытийных предложений — установить референтность. Поэтому бытийные предложения по определению (условие (а) в схеме (11)) не допускают собственных имен и других определенных именных групп в каче-

стве подлежащего. Предложения же типа (15) и (16) считаются не бытийными, а локативными. В них генитивный субъект является Темой. Бэбби причисляет эти предложения к декларативным, хотя это и противоречит его схеме (11). Бэбби объясняет это следующим образом: когда локативные предложения содержат *быть*, они настолько близки бытийным, что русская грамматика использует для них то же «генитивное» правило, что и для бытийных.

Но, может быть, функция бытийных предложений трактуется слишком узко? В предложениях типа (15) и (16) речь действительно идет об уже известных (слушателю) объектах. Но они говорят о наличии или отсутствии этих объектов *в данном месте (в данной ситуации)*, так сказать, вводят известные объекты в данную ситуацию, или говорят о том, что их нет в данном месте.

В то же время, эти предложения так же отличаются по смыслу от соответствующих декларативных предложений с подлежащим в номинативе, как и классические бытийные предложения — см. примеры (17) и (18) ниже.

(17) [*Я искал Ивана.*] *Он не был на лекции.*

(18) [*Я искал Ивана.*] *Его не было на лекции.*

Как нам кажется, с точки зрения «генитивного правила» (определяющего употребление генитива при отрицании) язык не отличает предложения типа (15) и (16) от других бытийных предложений. Вместе с их утвердительными версиями (19) и (20) их естественно отнести к классу бытийных предложений.

(19) *На лекции был Иван.*

(20) *На столе был (лежал) Петин дневник.*

5. НАША СХЕМА: ВЕЩЬ И МЕСТО, ПЕРСПЕКТИВА

5.1. БЫТИЕ ВЕЩИ В МЕСТЕ

Бытийные предложения говорят о бытии и, естественно, что *быть* — это, так сказать, базисный глагол таких предложений. Более того, все отрицательные бытийные предложения, как отмечается в книге Бэбби и в других работах, грубо говоря, эквивалентны предложениям с глаголом *быть*. Мы обсудим эту эквивалентность ниже, а пока ограничимся, в основном, предложениями с глаголом *быть*⁵.

⁵ Апресян (1992) выделяет много значений и подзначений глагола *быть*. В бытийных предложениях встречаются, по-видимому, выделяемые им случаи 2.2 (*Главного инженера завтра не будет*), 3.1 (*У нее много книг*), 4.1 (*Есть люди, которые...*) и 4.2 (*Был дождь*).

Мы схематизируем «бытие» как ситуацию (имеющую часто и временное измерение), в которой выделены некоторая ВЕЩЬ и некоторое МЕСТО⁶, в котором это бытие происходит, и «отношения бытия» между этими участниками ситуации. Схема эта аналогична предложению Джэкендоффа (Jackendoff 1972) о метафорическом расширении «being in location», включающем в себя «being in some state», «occurring in some spatiotemporal region», «being in someone's possession» (а также бытие в «перцептивном пространстве Субъекта сознания» — Падучева 1997). Легко видеть, что схема эта практически не отличается от схемы Арутюновой и Ширяева, разница лишь в терминах: наши ВЕЩЬ и МЕСТО соответствуют «бытующему предмету» и «области бытия».

Можно было бы сказать, что ВЕЩЬ и МЕСТО (СЦЕНА) — это роли глагола *быть*, но можно считать также, что это роли участников ситуации (или состояния) бытия⁷. Так, в наших примерах ВЕЩЬ — это *кефир, Иван, Петин дневник, ответ* и т. д., а МЕСТО — это *в магазине, в киоске, на лекции, на столе* и т. п.⁸

МЕСТО может быть указано явно или подразумеваться, как в примерах (1)–(4). Важно, что бытие всегда мыслится в некотором МЕСТЕ. Подразумеваемое МЕСТО задается контекстом. Это обычно «здесь» или «там», «сейчас» или «тогда» — там и тогда, где *ждут ответ* или *чувствуется мороз*. Иногда, как уже отмечалось, МЕСТО естественно отождествлять «со всем миром».

Итак, мы считаем, что как бытийные предложения с глаголом *быть*, так же, как и их декларативные аналоги, описывают ситуацию бытия, утверждая или отрицая бытие ВЕЩИ в МЕСТЕ. Схемы этих предложений можно представить в виде «квазиформул»⁹ (21а, б):

⁶ Иногда хочется говорить не о МЕСТЕ, а о СЦЕНЕ, на которой протекает бытие. И похожий термин уже употреблялся. «Область бытия, составляющая тему, <...> мыслится, как арена, фон, как нечто более объемное, чем то, что в ней бытует» (Арутюнова, Ширяев 1983: 75). Аналогично, Эртешик-Шир (Erteschik-Shir 1997) говорит о stage-topics. Нам нравится понятие сцены, на которой происходит событие, описываемое в предложении, но чтобы не размножать термины, мы будем пользоваться термином МЕСТО, понимая его достаточно обобщенно.

⁷ Т. е. для нас термины МЕСТО и ВЕЩЬ относятся и к глаголу, и к ситуации (к элементам модели), подобно тому, как, скажем, термин агенс используется и для участника события, и как именуемый его компонент предложения.

⁸ Тем самым, наша схема достаточно груба, она не различает выделяемых Апресяном (см. сноску 3) значений и подзначений глагола *быть*, употребляемых в бытийных предложениях. Скорее наоборот, она фиксирует то общее, что есть в этих значениях.

⁹ В этих «формулах» THING и LOC соответствуют ролям ВЕЩЬ и МЕСТО, а BE — предикат, соответствующий глаголу *быть*. «Формулы» почему-то хочется писать латинскими буквами.

- (21) (а) BE (THING, LOC)
(б) –BE (THING, LOC)

Таким образом, мы принимаем тезис **ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ БЫТИЯ**:

- (22) Бытие ВЕЩИ — это всегда ее бытие в некотором МЕСТЕ.

Отрицательные предложения (соответствующие квазиформуле (21б)) отрицают бытие ВЕЩИ в МЕСТЕ. Выше (в разделе 4) мы уже обсуждали отрицательные предложения типа (15) и (16), в которых идет речь об определенных ВЕЩАХ. Отрицание бытия таких ВЕЩЕЙ в МЕСТЕ не противоречит их существованию *вне* МЕСТА ситуаций, описываемых этими предложениями, т. е. существованию в «большом месте», в мире. То, что Ивана не было на лекции, а Петиного дневника на столе, не противоречит их существованию в мире.

Тезис относительности бытия аналогичен схеме Падучевой (1997), выделяющей компоненты I и II.

5.2. ПЕРСПЕКТИВА И ОСНОВНОЙ ТЕЗИС

Описанная выше схема ситуации не различает бытийные и декларативные предложения. В соответствии с ней, например, бытийные предложения (6), (19) и (15) и их декларативные аналоги (5) и (23а и б), описывают одни и те же ситуации и имеют один и тот же набор участников.

- (23) (а) *Иван был на лекции.* (б) *Иван не был на лекции.*

Мы считаем, что декларативные и бытийные предложения различаются *выбором перспективы*, точки зрения, с которой мы рассматриваем соответствующие ситуации. Выбор перспективы — это, так сказать, разное когнитивное представление одной и той же ситуации. Мы можем описывать ситуацию бытия с точки зрения ВЕЩИ, или с точки зрения МЕСТА. В первом случае мы как бы следим за ВЕЩЬЮ, предполагаем ее существование и говорим о ней, о ее, так сказать, поведении в ситуации, о связанных с ней действиях или о ее состоянии. Во втором случае мы смотрим на ситуацию с точки зрения МЕСТА и следим в первую очередь за тем, какие ВЕЩИ есть, а каких нет в этом МЕСТЕ.

Можно воспользоваться метафорой (кино)камеры. Обозревая ситуацию, камера может быть сфокусирована на «герое» (ВЕЩИ в нашей терминологии), следить за ним и его жизнью в МЕСТЕ (или за тем, что он отсутствует в МЕСТЕ), а может быть сфоку-

сирована на этом МЕСТЕ и наблюдать, какие герои появляются (или не появляются) в нем.

Формально мы сводим понятие перспективы к выделению (маркированию) одного из этих участников ситуации, участника, с точки зрения которого мы эту ситуацию рассматриваем. Мы будем называть выделенную роль *центром* (или *фокусом*¹⁰) *перспективы*.

Мы считаем, что именно выбор перспективы определяет «генитивное правило», т. е. принимаем (24) и (25) — **тезисы ВЫБОРА ПЕРСПЕКТИВЫ**:

- (24) Выбор перспективы в ситуации определяет, какое предложение — декларативное или бытийное — будет выбрано для описания этой ситуации. Выделяя ВЕЩЬ (выбирая ее центром перспективы), мы описываем ситуацию декларативным предложением, а выделяя МЕСТО — бытийным.
- (25) Форма отрицательных бытийных предложений — генитив субъекта и безличное сказуемое — определяется выбором перспективы (тем, что центром перспективы является МЕСТО). Выбор коммуникативной структуры (т. е. структуры Темы-Ремы) не зависит, вообще говоря, от структуры перспективы.

Принимается также тезис **СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦЕНТРА ПЕРСПЕКТИВЫ**:

- (26) Если участник ситуации бытия (ВЕЩЬ или МЕСТО) выбран в качестве центра перспективы, то принимается пресуппозиция его существования¹¹.

Итак, мы предлагаем интуитивное, содержательное представление о перспективе и очень простую *схему*, именно схему, а не формализацию. Эту схему можно было бы представить в виде «квазиформул», в которых подчеркнута выделенная роль — центр перспективы:

- (27) а. ВЕ (THING, LOC) — структура утвердительного декларативного предложения
б. ВЕ (THING, LOC) — структура утвердительного бытийного предложения

Для отрицательных предложений нужно, конечно, добавить знак отрицания.

¹⁰ Термин *фокус перспективы* лучше звучит по-русски, чем *центр*, но возникает опасность путаницы с *фокусом* в оппозиции *топик/фокус*.

¹¹ Мы подробнее рассматриваем разные пресуппозиции, принимаемые соответственно в бытийных и декларативных предложениях, в нашей работе Partee, Borschev in press.

Таким образом, в отличие от Бэбби, мы считаем, что фундаментальное различие бытийных и декларативных предложений заключается не в их коммуникативной структуре, а в выборе перспективы. Это фундаментальное различие проявляется в синтаксисе. Если синтаксис декларативных предложений более или менее одинаков в разных языках, то синтаксис бытийных предложений очень разнообразен (от языка к языку). Языку как бы хочется сделать МЕСТО подлежащим. И некоторые языки «могут себе это позволить» (см., например, Bresnan, Kanerva 1989). Для большинства языков это невозможно, и каждый язык находит для бытийных предложений свои средства.

С точки зрения структуры дискурса, утвердительное декларативное предложение (с глаголом *быть*) имеет смысл рассматривать как сообщение о том, что ВЕЩЬ, именуемая подлежащим, имеет свойство «быть (или не быть) в данном МЕСТЕ», т. е. предикат бытия в данном МЕСТЕ выполняется или не выполняется для ВЕЩИ. А бытийное предложение — это сообщение о том, что МЕСТО обладает свойством, что «там есть ВЕЩЬ (нет ВЕЩИ)», т. е. предикат существования ВЕЩИ выполняется или не выполняется для данного МЕСТА. Но, повторяем, формализацию еще предстоит построить.

Понятие перспективы требует обсуждения и осмысления, прежде всего, в ряду таких понятий, как подлежащее и его роль в предложении, коммуникативная структура (Тема-Рема), личные и безличные предложения и т. п. Так, центр перспективы действительно часто совпадает с Темой, особенно в утвердительных предложениях. Бытийные отрицательные предложения, как отмечал еще Пешковский (1938), близки безличным, а Перльмуттер и Мур (Perlmutter, Moore 2001) считают безличными и утвердительные бытийные предложения.

6. ГЕНИТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ИХ «СЛАБОСТЬ»

6.1. ДРУГИЕ ГЕНИТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Мы распространим введенную выше схему «бытийной» ситуации на другие генитивны глаголы и опишем их в виде соответствующих «квазиформул»:

V (THING, LOC) — структура утвердительного декларативного предложения

V (THING, LOC) — структура утвердительного бытийного предложения

Для отрицательных предложений нужно, как и раньше, добавить знак отрицания.

Мы также распространим на все бытийные предложения сформулированные выше тезисы (24), (25), (26) и (27).

Заметим, что эти тезисы ставят перед нами проблему, в каком-то смысле обратную той, которая стоит перед Падучевой. Если Падучевой нужны были критерии того, когда с генитивными глаголами при отрицании употребляется генитив или номинатив, то нам нужно уметь объяснять, какие глаголы могут употребляться в бытийных предложениях, прежде всего, в отрицательных, когда МЕСТО является центром перспективы и ситуация описывается «формулой» $\neg V$ (THING, LOC).

Обычно генитивные глаголы классифицируют на глаголы «бытия», «появления», «существования» и т. д. Мы, простоты ради, ограничимся здесь «бытием», т. е. глаголом *быть* и глаголами, которые в NES-конструкции ему в каком-то смысле эквивалентны. Ниже мы обсудим эту эквивалентность.

Учитывая это ограничение (т. е. «забыв» о глаголах «появления» и т. п.) мы можем считать, что отрицательные бытийные предложения (со всеми генитивными глаголами) отрицают «бытие» ВЕЩИ в МЕСТЕ (в центре перспективы). Действительно, давно отмечалось, что все отрицательные бытийные предложения можно, грубо говоря, перефразировать в предложения с глаголом *быть*.

(28) (а) *Ответа из полка не пришло — Ответа не было*

(б) *Мороза не чувствовалось — Мороза не было*

Мы считаем, что генитивная конструкция постулирует соответствующую эквивалентность: так «левые» предложения в приведенных примерах истинны или ложны в тех же ситуациях, что и их «правые» варианты с глаголом *быть*.

Т. е. постулат, задаваемый генитивной конструкцией — это прежде всего отрицание «бытия» вещи в месте. А из этого следует эквивалентность (в контексте каждого отрицательного бытийного предложения) предиката «бытия» и предиката, «буквально» соответствующего глаголу данного предложения. Конструкция как бы требует эту эквивалентность в данном контексте. Например, предложения, аналогичные «левым» предложениям в примерах из (28) истинны или ложны в тех же ситуациях, что и их варианты с *быть* — «правые» предложения из (28).

Тезис ТРЕБУЕМОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ (29) дает первый (достаточно грубый) ответ на поставленный выше вопрос — какие глаголы допустимы в данной генитивной конструкции:

(29) В отрицательных генитивных предложениях предполагается, что в данной ситуации соблюдается следующая эквивалентность: V (THING, LOC) $\Leftrightarrow$ BE (THING, LOC)

Тезис этот, грубо говоря, означает, что отрицательное бытийное предложение эквивалентно аналогичному предложению с глаголом *быть* (необходимы оговорки для глаголов с модальностями и т. п., т. е. предложений с другими «глаголами бытования»). Тем самым в генитивной конструкции допускаются глаголы, эту эквивалентность допускающие.

6.2. «СЛАБЫЕ» ГЛАГОЛЫ

Но почему эквивалентность (29) возможна для глаголов, буквальное значение которых явно отличается от значения глагола *быть*? Обычный ответ сводится к следующему: в генитивной конструкции используются «слабые» глаголы, их значения либо «пусты», либо «десемантизируются», «линяют» (bleach) в таких контекстах. Это верно, но остается вопрос — почему они десемантизируются?

Небольшое отступление: текст как теория

«Сверхзадача», в рамках которой мы обсуждаем эту проблему, — это интеграция формальной и лексической семантики. Мы предлагаем представлять значение слова как набор утверждений, связывающих его со значениями других слов и категорий. Такого рода утверждений много и естественно пытаться выделить некоторый базисный набор утверждений, следствиями которых являются все остальные, и считать этот набор толкованием. С логической точки зрения можно говорить о наборе принимаемых в толковании *аксиом* (Борщев 1996), или, пользуясь терминологией формальной семантики (идущей от Карнапа), *meaning postulates*. Как нам кажется, такой подход в принципе совместим с реальной практикой Московской семантической школы.

Описание значений слов в виде набора постулатов позволяет описывать семантику текста в единых рамках. Мы представляем смысл текста как *теорию*, т. е. набор утверждений (формул), полученных из разных источников: формулы, которая строится композиционно по синтаксическим конструкциям данного текста, *meaning postulates*, соответствующих словам, использованным в тексте, энциклопедических сведений, аксиом, задаваемых контекстом и ситуацией и т. п. и всех следствий из этих формул. Эта теория характеризует класс всех *моделей*, представляющих содержание данного текста, или даже текста в данном контексте. Заметим, что самые общие свойства таких моделей определяются представлениями языка о мире — тем, что Московская семантическая школа называет «*наивной картиной мира*» (Апресян 1986),

а формальная семантика — *Natural Language Metaphysics* (Bach 1986).

В этих терминах мы можем объяснить обсуждаемую «слабость» глаголов следующим образом. Глаголы, употребляемые в отрицательных бытийных предложениях, имеют свое «обычное» значение, не эквивалентное, вообще говоря, значению *быть*. Но для данного предложения в данном контексте (в *теории* данного предложения) содержатся по некоторым причинам аксиомы, которые делают эту эквивалентность истинной в данном контексте (т. е. делают ее *теоремой* теории данного предложения). И поэтому генитивная конструкция с такими глаголами (в данном контексте) возможна.

В работе Борщев, Парти 1998а мы рассматривали некоторые возможные источники таких аксиом. Приведем здесь только два примера.

- (30) (а) *Не белело парусов на горизонте.*
(б) «требуемая эквивалентность»:
На горизонте белели паруса ⇔ На горизонте были паруса
(в) «Словарная аксиома» (часть словарного значения):
белеть ⇔ быть белым (в поле зрения)
(г) «энциклопедическая» аксиома (то, что мы так или иначе знаем):
Парус как правило белый
(д) Из (в) и (г) следует эквивалентность (б) при дополнительном условии — наличии потенциального или реального наблюдателя, в чьем поле зрения находится МЕСТО. Т. к. (в) и (г) — знания, разделяемые и говорящим, и слушающим, и обычно условие соблюдается, то (б) выводится в нормальном контексте и (а) воспринимается как бытийное предложение (*не было парусов на горизонте*).

— Модификация предыдущего примера:

- (31) (а) *Не белело домов на горизонте.*
(б) Требуемая эквивалентность:
На горизонте белели дома ⇔ На горизонте были дома
(в) «Словарная аксиома» (часть словарного значения):
белеть ⇔ быть белым (в поле зрения)
(г) В отличие от парусов из предыдущего примера, дома бывают разного цвета.
Но если из контекста следует, что в этом регионе
Дома как правило белые и
Дома можно видеть на горизонте

(например, в сельской местности на Украине, но не в Новой Англии, где дома белые, но местность холмистая), то словарная аксиома (в) вместе с контекстуальной аксиомой (г) будут играть ту же роль, что и аксиомы (в) и (г) в предыдущем примере, и из них следует эквивалентность (б).

Итак, с точки зрения говорящего, аксиомы порождают эквивалентность (б) и, поэтому, «ослабляют» глагол *белеть* и разрешают использовать генитивную конструкцию. С точки же зрения слушающего, использование генитивной конструкции сигнализирует, что какие-то аксиомы вместе с (в) поддерживают эквивалентность (б), и естественно принять контекстуальное предположение типа (г).

7. ТРУДНОСТИ

Являются ли предложения (8) и (9) бытийными (мы повторим эти предложения здесь как (32) и (33))?

(32) *Пришел автобус.*

(33) *Идет дождь.*

С одной стороны, такие предложения вводят в описываемую ситуацию новые объекты. Ситуация в них рассматривается с точки зрения МЕСТА, не выраженного эксплицитно. Предложение (33) сообщает о появлении автобуса (в данном МЕСТЕ), а предложение (32) — о существовании дождя. И, вроде бы, наша «требуемая эквивалентность» имеет место: если дождь *идет*, он *есть*, если автобус *пришел*, он *появился*, обратные суждения тоже имеют место. Но предложения (35) и (34) невозможны. «Правильными» отрицаниями предложений (33) и (32) являются предложения (37) и (36).

(34) **Не пришло автобуса.*

(35) **Не идет дождя.*

(36) *Автобуса (так и) не появилось.*

(37) *Нет дождя.*

Дело, видимо, в том, что используемые в предложениях (33) и (32) глаголы, так сказать, более «содержательны», чем «основные» глаголы бытия и появления. Автобус не только появился, но *пришел*, дождь не только «имеет быть», но и *идет*. Т. е. в этих предложениях мы сообщаем не только о существовании или появлении соответствующих объектов, но и что-то об их способе существования или появления, что сближает эти предложения с декларативными. Арутюнова и Ширяев (1983: 37) называют такие предложения «бытийными с характеризующим компонентом».

Видимо, для этих глаголов в таких предложениях нашей «требуемой эквивалентности» недостаточно для правильности соответствующих генитивных конструкций. В то же время для, так сказать, более абстрактных объектов, генитивная конструкция с теми же глаголами возможна (как в примере (2б)).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 1966. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение.
- Апресян Ю. Д. 1980. Типы семантической информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // *Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. М.: Школа «Языки русской культуры»*, 8–101. (Впервые опубликовано: *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband № 1. Wien, 1980.*)
- Апресян Ю. Д. 1985. Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics* 9, 289–317.
- Апресян Ю. Д. 1986. Дейксис в грамматике и лексике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика*, вып. 28, 5–33.
- Апресян Ю. Д. 1992. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // *НТИ*, серия 2, № 3, 20–33.
- Арутюнова Н. Д. 1976. Предложение и его смысл. М.: Наука.
- Арутюнова Н. Д. 1997. Бытийные предложения // *Энциклопедия «Русский язык»*. М.: Большая Российская энциклопедия, 57–59.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. 1983. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык.
- Борцев В. Б. (1996) Естественный язык — наивная математика для описания наивной картины мира // *Московский лингвистический альманах*, вып. 1, 203–225.
- Борцев В. Б., Парти Б. 1998а. Бытийные предложения и отрицание в русском языке: семантика и коммуникативная структура // *Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям / Под ред. А. С. Нариньяни. Казань: Хетер*, 173–182.
- Ицкович В. А. 1974. «Очерки синтаксической нормы» // *Синтаксис и норма*. М.: Наука, 43–106.
- Карцевский С. О. 1928. Повторительный курс русского языка. М.; Л.
- Ковтунова И. И. 1976. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Русский язык.
- Падучева Е. В. 1992. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *Russian Linguistics* 16, 53–63.
- Падучева Е. В. 1997. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // *Вопросы языкознания* 2, 101–116.
- Пешковский А. М. 1938. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М.
- Babby L. 1980. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor; Michigan: Karoma Publishers.

Babby L. 2000. The genitive of negation and unaccusativity. Ms., Princeton University.

Bach E. 1986. Natural language metaphysics // Logic, Methodology and Philosophy of Science VII / Ed. Ruth Barcan Marcus et al. Amsterdam: Elsevier, 573–595.

Borschev V., Partee B. H. 1998. Formal and Lexical Semantics and the Genitive in Negated Existential Sentences in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997 / Ed. Ž. Bosković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 75–96.

Borschev V., Partee B. H. In press. The Russian genitive of negation in existential sentences: The role of Theme-Rheme structure reconsidered // E. Hajičová, J. Hana, T. Hoskovec and P. Sgall (eds.). Travaux de Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série), v. 4. Prague. (Available in PDF format at: <http://www-unix.oit.umass.edu/~partee/>.)

Bresnan J., Kanerva J. M. 1989. Locative inversion in Chichewa: a case study of factorization in grammar // Linguistic Inquiry 20, 1–50.

Chvany C. V. 1975. On the Syntax of BE-Sentences in Russian. Cambridge (MA): Slavica.

Comrie B. 1980. Foreword // Babby 1980.

Erteschik-Shir N. 1997. The Dynamics of Focus Structure. [Cambridge Studies in Linguistics 84]. Cambridge: Cambridge University Press.

Hajičová E., Partee B. H., Sgall P. 1998/ Topic-focus articulation, tripartite structures, and semantic content. Dordrecht: Kluwer.

Jackendoff R. 1972. Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge: MIT Press.

Jackendoff R. 1990. Semantic Structures. Cambridge: MIT Press.

Partee B., Borschev V. In press. Genitive of Negation and Scope of Negation in Russian Existential Sentences // Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Michigan Meeting 2001.

Perlmutter D. M., Moore M. 2001. Language-internal explanation: the distribution of Russian impersonals. Unpublished manuscript, University of California, San Diego. Ms. (Retrieved October 8, 2001 from <http://ling.ucsd.edu/~moore/impersonal.pdf>.)

Pesetsky D. 1982. Paths and Categories. Unpublished Ph. D. dissertation. Cambridge: MIT.

Yokoyama Olga T. 1986. Discourse and Word Order. Amsterdam: John Benjamins.